

Наталья Ушакова

ПЕСОК И ШЕЛК

УДК 82-312.9
ББК 84-445
У93

У93 **Ушакова Н.**
Песок и шелк / Наталья Ушакова – М.: Литнет, 2025. – 336 с.

ISBN 978-5-521-94746-1

Сборник любовно-эротических историй, в которых главными героями являются восточные шейхи и девушка, которой они стали одержимы. Dark Romance в экзотических песках, где магия — в прикосновении к шелку кожи, а спасение — в смирении гордого сердца.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94746-1

© Литнет, 2025
© Н. Ушакова, 2025

Песок и шелк

Казим аль-Джарид, Повелитель Заракада, правит железной рукой, но внутри – вечная мерзлота. Ни сна, ни чувств, лишь сарказм и власть. Амина – простая ткачиха с опасным даром: ее пальцы вплетают сны в шелк.

Силой вырванная из привычной жизни, она становится его «игрушкой» – призванной развеять скуку ледяного дворца. Но ее простые сны о воде и тепле пробуждают в нем нечто забытое.

Страсть вспыхивает под звездами пустыни, но она отравлена ядом придворных интриг и его собственной гордыней. Чтобы спасти любовь и снять древнее проклятие, Шейху предстоит не завоевать, а сдаться. Отдать часть власти. Признать ее равной.

Глава 1. Ткань из фантазий

Пыль. Она была повсюду в Квартале Ткачей – мельчайшая, золотисто-серая, вечная спутница солнца Заракада. Она оседала на глинобитных стенах узких улочек, мерцала в лучах, пробиравшихся сквозь решетчатые окна, и нежным налетом покрывала шелка, лежавшие в мастерской Амины. Но здесь, в ее маленьком царстве, пыль уступала место другим ощущениям.

Воздух был густым, пропитанным запахами: сладковатой сыростью неотбеленного шелка-сырца, терпким ароматом красителей из кореньев и ягод, едва уловимым маслянистым духом станка, смазанного накануне. И над всем этим – тишина, нарушаемая лишь ритмичным, гипнотическим *скрежет-тук, скрежет-тук* деревянных челноков и навоев.

Амина сидела на низком табурете, спина прямая, но не напряженная. Пальцы, тонкие и ловкие, летали над основой. Они *знали* шелк.

Знакомились с ним сначала кончиками, ощущая его температуру, влажность, степень натяжения. Грубый сырец – шершавый, требовательный, словно упрямый юноша. Гладкий, отбеленный чесуча – прохладный и послушный, как струя воды. Но любимцами Амины были окрашенные нити, особенно те, что шли на уток.

Сегодня это был шелк цвета ночи перед рассветом – глубокий индиго, отливающий фиолетовым. При прикосновении он казался почти живым, вибрирующим скрытым теплом, словно кожа под поцелуем лунного света.

Она ткала занавес для лавки старика Халима. Обычный узор – геометрические звезды. Но под пальцами Амины узор оживал, линии становились мягче, изгибы – плавнее, словно дышали. Она не задумывалась об этом. Это был поток. Ее руки двигались сами, а ум... ум был где-то на грани сна и яви.

Накануне она слышала, как соседский мальчишка, Али, восторженно рассказывал отцу о своем первом походе с караваном к Дальним Озерам. О бескрайних синих водах, в которых отражалось небо, о высоких птицах с криками, похожими на серебряный звон, о прохладном ветре, несущем запахи водорослей и свободы. Сон Али был ярким, как вспышка молнии в сухой сезон.

И теперь, пока пальцы Амины перебирали нити индиго и сливочно-белого шелка, в узоре начали проступать не только звезды. Между геометрическими линиями, как бы случайно, заструились волнистые линии – синие, белые, с проблесками серебряной нити, которую Амина добавила интуитивно.

Они складывались в отражение неба на воде. А в углу полотна, там, где по замыслу должна была быть просто точка, возник крошечный силуэт летящей птицы, вытканый с такой нежностью, что казалось, она вот-вот сорвется с ткани и взмоет вверх.

Амина вздохнула, не отрывая взгляда от станка. Она не видела птицу или воду осознанно. Она *чувствовала* их.

Чувствовала прохладу озера на своей коже, когда пальцы скользили по гладкому шелку. Чувствовала легкое головокружение от высоты, глядя на рождающийся узор.

Это было... приятно. Словно она погружала руки не в нити, а в чью-то теплую, светлую душу.

Ее собственное дыхание синхронизировалось с движением челнока, грудь поднималась и опускалась в такт работе, а на губах блуждала едва уловимая улыбка. Шелк под ее пальцами был не просто тканью; он был продолжением ее кожи, проводником чего-то невыразимо нежного и интимного.

Скрежет-тук. Скрежет-тук.

Внезапно ритм нарушился. Где-то за стеной послышались грубые голоса, лязг оружия, испуганный вскрик женщины.

Амина вздрогнула, пальцы замерли над основой. Сердце екнуло, предчувствуя беду. Приятное тепло, исходившее от ткани, сменилось ледяным предвестником.

Дверь в мастерскую с грохотом распахнулась, впустив ослепительный сноп пыльного солнечного света и трех человек в латах цвета песка, с эмблемой Солнца Заракада – скрещенных сабель над дюной – на нагрудниках.

Пыль, до этого тихая гостья, взметнулась вихрем, закрутилась в лучах света, осела на драгоценный индиго, на волосы Амины.

– Амина, дочь Фарида? – гаркнул старший из солдат, шагнув вперед.

Его голос был как скрежет камней, резко контрастируя с нежной симфонией станка. Он не ждал ответа, его глаза, маленькие и жесткие, как галька, скользнули по крошечной мастерской, по станку, по Амине, замершей на табурете.

Взгляд был оценивающим, лишенным всякого интереса к ней как к человеку. Она была предметом. Вещью.

– По высочайшему повелению Шейха Казима аль-Джарида, Повелителя Оазиса, Хранителя Песков! – солдат выкрикнул титулы с привычной, но лишенной всякого почтения интонацией. – Проводится инспекция мастеров Квартала. Ты внесена в список обладателей «особых навыков». Собирайся. Тебе оказана честь служить во Дворце Солнца.

«Честь». Слово повисло в воздухе, тяжелое и лживое. Амина встала, ноги слегка подкашивались.

Она машинально вытерла руки о простую льняную юбку, пытаясь стряхнуть невидимую грязь от этого взгляда. Ее пальцы, только что ласкавшие шелк, дрожали.

– Я... я не понимаю, – прошептала она, голос едва слышным шелестом на фоне грубого дыхания солдат. – Я тку занавесы, покрывала... Ничего особенного... Мой отец...

– Отец твой платит налоги, и этого достаточно для него, – отрезал солдат. – А ты – идешь. Приказ Шейха не обсуждается. «Особые навыки» – значит, есть что-то, что приглянулось зрителям. Быстро!

Он сделал шаг к станку. Его рука в грубой кожаной перчатке потянулась к незаконченному полотну с озером и птицей. Амина невольно вскрикнула, бросившись вперед, заслоняя работу.

– Не трогайте! Пожалуйста! Шелк... он нежный, грубые руки...

Солдат фыркнул, но руку отдернул. Не из уважения, а из брезгливости. Его взгляд скользнул по ее фигуре, задержавшись на открытой шее, на линии плеч, обрисованных тонкой тканью рубахи. Взгляд был не похотью, а скорее холодным любопытством, как к незнакомому животному. Оценка товара.

– Грубые руки? Во дворце, девчонка, научат тебя знать свое место и ценить прикосновение тех, кому ты будешь служить, – процедил он. – Теперь – вон! Без вещей. Там все предоставят. Или проявить «убедительность»?

Его товарищи, до сих пор молчавшие, сдвинулись, заблокировав дверь. Латы их лязгнули – резкий, неприятный звук после шелеста шелка. Амина почувствовала, как ее собственное тело напряглось, кожа под тонкой одеждой покрылась мурашками – но не от предвкушения, как минуту назад с шелком, а от животного страха и унижения.

Она бросила последний взгляд на мастерскую. На станок, где застыл челнок в синей нити. На кусок индиго, сверкающий серебряной птицей – сон Али, пойманный и застывший в шелке. На свои пальцы, которые только что творили красоту, а теперь бессильно сжались в кулаки.

– Я... иду, – выдохнула она, голос предательски дрогнул.

Старший солдат кивнул, довольный. Он схватил ее за локоть выше локтя. Его пальцы в перчатке впились в мягкую ткань рубахи и плоть под ней.

Прикосновение было жестким, властным, лишенным всякой нежности.

Оно вырвало ее из мира знакомых запахов, привычных звуков станка, мира, где ее пальцы были волшебниками, а шелк – любовником.

Оно бросило ее в другой мир – мир приказа, силы и чужой, неу-
молимой воли.

Ее вытолкнули на улицу, в ослепительное солнце и облако золотой
пыли. Дверь мастерской захлопнулась за спиной с глухим стуком.

Последнее, что она увидела внутри, прежде чем тьма поглоти-
ла интерьер, – был кусок ткани с озером и птицей, беззащитный
под слоем пыли, поднятой солдатами. Птица, вытканная из снов,
казалось, смотрела на нее с немym укором.

Солнце Заракада жгло кожу. Рука солдата, как кандалами, сжима-
ла локоть. Дорога вела вверх, к сияющему на холме Дворцу Солн-
ца, резиденции Шейха Казима аль-Джарида.

Амина шла, почти не чувствуя ног. Ее мир, сотканный из тиши-
ны, шелка и снов, остался позади. Впереди был только ослепитель-
ный, безжалостный блеск власти и неизвестность.

И лишь прозрачное эхо прохлады шелка под пальцами напоми-
нало о том, что было. О том, что отняли. Грубо. Насильно. Словно
вырвали кусок самой ее души.

Глава 2. Дворец без снов

Холод. Это первое, что поразило Амину, когда тяжелые дворцовые ворота, украшенные чеканным солнцем, захлопнулись за ее спиной, отсекая пыльный жар и крики Квартала.

Холод не просто воздуха, хотя мраморные плиты под босыми ногами были ледяными даже сквозь тонкую ткань выданных ей дворцовых сандалий. Это был холод самой роскоши. Холод высоких сводов, терявшихся в полумраке, где золотые инкрустации мерцали, как далекие, равнодушные звезды. Холод безупречно гладких стен из молочного мрамора, отражавших ее испуганную фигуру в бесцветном платье служанки – жесткая замена ее собственной, пахнувшей красителями и солнцем одежды.

Ее провели по лабиринту коридоров слуги – безмолвные тени в одеждах цвета песка. Их шаги не оставляли звука на мягких коврах, сотканных, как ей показалось, из ночного неба и серебряных нитей.

Амина чувствовала на себе их быстрые, оценивающие взгляды – взгляды на вещь, доставленную с рынка. Она сжимала кулаки, пытаясь унять дрожь в коленях, и вспоминала тепло грубого шелка-сырца под пальцами, запах красильного котла, пыль, прилипшую к потному лбу. Здесь все было стерильно, безжизненно. Как гробница.

Ее привели не в покои и не в ткацкую мастерскую, как она naïвно предполагала, а в огромный, залитый солнцем зал.

Солнце здесь было другим – не щедрым и всепроникающим, как в Квартале, а ослепительно-резким, выхватывающим из полумрака колонны, устремленные ввысь, как стволы каменных деревьев, и инкрустированный драгоценными камнями пол, по которому ступать казалось кошунством.

Воздух был напоен тонкими, чуждыми ароматами – что-то цветочное, пряное, древесное, смешанное с запахом воска и... пустоты.

В дальнем конце зала, на возвышении, под балдахином из тяжелого, затканного золотом шелка, восседал он. Шейх Казим аль-Джарид.

Амина замерла, как заяц перед удавом. Ее сердце колотилось так громко, что, казалось, эхо разнесет его стук по всему залу.

Повелитель был моложе, чем она представляла, глядя издали на его процессии. Может, чуть старше тридцати.

Лицо – совершенная работа скульптора: резкие скулы, прямой нос, чувственный рот, изогнутый в легкой, скупающей гримасе.

Темные, как ночь пустыни, волосы были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб.

Одежда – не кричащая, но невероятно дорогая: туника из черного шелка, отливавшего синевой, с тончайшей золотой вышивкой по вороту и манжетам, безупречные шаровары, мягкие сапоги из кожи, казавшейся темнее ночи.

Он полулежал на груде шелковых подушек, один локоть опирался на резной подлокотник трона из черного дерева. В длинных пальцах он лениво перебирал нити крупного нефритового чётков. Его глаза – темные, глубокие, как колодцы в безлунную ночь – скользнули по Амине. Быстро, без интереса. Как по пятну на мраморе.

Рядом с тронем стоял сухопарый мужчина в темно-синих одеждах, с острым лицом и внимательным, как у ястреба, взглядом. Главный смотритель ткацких мастерских, Валид. Именно он, как выяснилось позже в коротком, унижительном допросе у него в кабинете, и был причиной ее появления здесь.

– Привели, мой Сиятельный Повелитель, – доложил Валид, склонив голову. Голос его был тихим, но резал слух, как тупое лезвие. – Ткачиха Амина, дочь Фарида, из Нижнего Квартала. Та самая.

Казим лениво поднял взгляд, остановив его на Амине. Его глаза были пусты. Ни гнева, ни любопытства, ни даже обычного человеческого интереса. Просто... глубина, лишенная дна. Как пропасть.

– «Та самая»? – голос шейха был низким, бархатистым, но в нем звенела сталь и лед. Он растягивал слова, словно пробуя их на вкус